

Эссеистика, критика, рецензии

Николай Болдырев-Северский

Успеть умереть в Боге

Как известно, Новалис решил после смерти своей невесты умереть вслед за ней и, будучи человеком истинного благочестия и поэтом, использовал для своей цели не механические средства, вроде яда или пистолета, а довел себя до смерти постепенно, душевными усилиями и магическими приемами.

Герман Гессе

1

Лишь встреча с ужасом пробуждает человека. («Каждый ангел ужасен!» – Рильке в момент встречи с эпицентром этой силы, давшей ему критерий, что важно, а что нет и в каком направлении истина). Солженицыну нужен был кошмар Гулага, чтобы прозреть. Достоевскому, как оказалось, была нужна каторга, чтобы понять себя в качестве русского и полюбить образ Христа. Толстому нужно было пережить ночной арзамасский ужас, чтобы начать просыпаться от богатырского сна «общественно важной деятельности» и отправиться искать тропу для побега из запертости в бессмыслице «художественного стиля жизни». Толстой подвергает своих героев ужасу подступающей смерти, когда они понимают пустую тщетность своей здесь «занятости» и в момент пика отчаяния все же находят выход: точку входа в дом, в ту отчизну, где смерть лишь другое название для жизни. Особенно просто и ясно это явлено в «Хозяине и работнике»: гибнущему герою удается накрыть своим телом, обогреть и спасти в буквальном смысле слова ближнего, и в этом переживании-действии (исток которого Толстой называет «торжественным умилением») он спасает то единственное в себе, что может себя здесь спасти, что неподвластно тому морозу и бесконечной вьюжной тьме («мировой ночи» по Хайдеггеру), которых телу точно не пережить. Некая сила вталкивает «хозяина», купца второй гильдии Василия Андреевича, в это спасительное решение, и тихий восторг этого *открытия блага* перекрывает ужас жизненной бессмыслицы и аннигилирует его. В последний момент перед полным замерзанием внезапно найден «пропуск» в следующий этап жизни, этап другого уровня.

Вообще это точка зрелости или ее возможности. Когда человек до нее доходит, он быстро становится готов к зрелому действию или творчеству. В этом, я думаю, одна из разгадок феномена ранних гениев и их ранних смертей. Поняв существование этого тоннеля, человек обретает свободу от мира окру-

жающей машинерии и «всех сует». В этом, возможно, отчасти тайна ранней зрелости и скуки, безразличия к «телесным делам» Лермонтова. Возможно, первая же дуэль, первое стояние под дулом чужого пистолета, всамделишное ожидание «полной гибели всерьез» внезапно расставило все точки над *i*. Затем стремительный этап творческого возгорания и далее переход к скуке. Некоторое полусознательное искание возможности благопристойного ухода. Тому, кто обрел *знание*, заняться здесь (в *здесь* присутственна, конечно, временная, запертая в социуме, человеческая матрица), в сущности, нечем. Особенно среди тысяч и даже целых миллионов тупо цепляющихся за чепуху и иллюзион. В европейской Ойкумене эпохи кали-юги *знающему* хана, у него нет здесь референтной группы. Могла ли она быть у Лермонтова? Эти жалкие его цеплянья за общение с «мартышками»...

Кажется, что у гения нет и не может быть «референтной группы»; считается, что именно обреченность на одиночество сотворяет гения. Но не все так просто. Гения-мудреца – да, но, скажем, не Пушкина. Вхождение Пушкина в зрелость как раз и начало вводить его в одиночество. Но вот у Новалиса (редкий случай в европейской истории) оказалась в этом смысле благоприятнейшая ситуация, он был окружен группой людей, способных к раскрытию в себе «восточных» интуиций. И тем не менее, когда в нем произошел таинственный ментальный взрыв (в момент смерти невесты, пятнадцатилетней Софи Кюн), дело обернулось таким «повзрослением», его скачком, что Фридрих (скорее не он сам, но нечто в нем) неожиданно для самого себя наметил план медленного трансформационного перехода: самоубиения, но замышленного так, чтобы большинством извне он не мог быть понят как акт намеренный. Платформа для того была в нем и раньше: не просто понимание, но острое ощущение жизни как *неуклонного с рожденья процесса умирания*. Так что в сущности речь шла не о самоубийстве как мы его сегодня понимаем, а об осознанном и философски активном соучастии в том таинстве *развоплощения*, которому не просто подвергает нас жизнь, но которым, собственно, она и является.

Не только не укрываться от понимания этого существеннейшего факта, как делает большинство, но всей внутренней энергией соучаствовать в этом возвратно-божественном процессе. В этом чуде осознания трансформации угасания – уникальность человеческого положения-в-космосе. Из этого переворота возникает совершенно иная форма сознания, нежели та, которой пробавляется обыватель. Не просто «упоенно жить», делая вид, что смерть – некая отдельная, когда-нибудь потом наступающая неприятная субстанция полной пустоты и пустотности, и потому обрекая себя на бесконечную череду ложных восприятий и пониманий, но *жить-умирая*, постигая само ядро этого поразительного феномена, внутри которого заключен наш дух и изну-

три которого только и возможны разгадки вечных вопросов. Смотреть на Всё из умирания. Из «Фрагментов»: «Подлинно философский акт – самоумерщвление: вот реальное начало философии, цель устремлений философского адепта, и только этот акт соответствует условиям и признакам трансцендентального действия». Трансцендентального – то есть дающего возможность перехода/загляда в то Иное, куда был допускаем Орфей.

2

Случай Новалис удивителен глубиной именно осознанного прорыва к эпицентру воления, нас контролирующего. Фридрих фон Гарденберг достиг точки, откуда стал возможен просветленный загляд в окоем Центрального Воления. Осознав благодаря случившемуся чуду любви к Софи суть искусства познания: растворение в предмете, растворение страстно-духовно-эротическое, целостно-тотальное, – Новалис и во всех остальных занятиях применяет это «магическое» средство. В том числе в исследованиях природного мира, в занятиях ботаникой, минералогией, астрономией и т.д. Сугубо интеллектуальный метод отброшен решительно: сам по себе, в своей горделивой осанке интеллект дает заведомо ложное описание мира, равно все его «подсказки» в моменты серьезных поворотов – люциферианство. И приняв решение осознанно включиться в умирание, то есть не откладывая этот акт, этот вид центрального познания, в долгий ящик, на предсмертную лихорадку последнего часа, Новалис пытается тем самым постичь саму волю дхармического закона. Четыре года, завершившиеся неизлечимой формой чахотки, превращаются в громадную эпоху, едва ли не мистериальную по тайным ее токам. (Время, конечно же, раздвижимо и сжимаемо).

Что касается существа чувства к Софи Кюн, то вот что пишет Гарденберг в дневнике: «К Сонечке у меня религия, а не любовь». И далее он объясняет себе процесс трансформации своего чувства к умершей: «Усилим абсолютной воли («абсолютной» означает, что натекающей из всего состава человека, а не только из установки ума. – Н.Б.) любовь может перерасти в религию. Стать достойным абсолютного Существа можно только пройдя сквозь смерть. (Примиряющая смерть)». Понятно, что пройти сквозь смерть в данном контексте означает пройти ее при жизни.

Любое прикосновение (к чему-то или к кому-то), в котором нет «смертного» переживания, касания смертного измерения, фактически является профанным и по большому счету ложным, будь то физическое, эмоциональное или ментальное прикосновение. Вот почему Новалис применил к себе такое волевое средство как отсроченное, замедленное, магическое самоубийство. (Звучит фатально, звучит скандально-уголовно, но на самом-то деле здесь ничего общего с привычными нам смыслами этого слова). Бёме и Фихте помогли ему утвердиться в своих интуициях. Бёме подтвердил правоту постижения мира как бездонной мистерии, центр которой мы сами. Фихте, отвергший

идею судьбы, выдвинул на первое место экзистенциального формообразования волю, и вот: «...воля есть настоящая центральная сила нашего духа». Воля в данном случае не дала Новалису рассыпать свое открытие в крупички импрессионистических афоризмов и беллетристических эскизов (как его понимает сегодня наш эстетический человек в лице поэтов и эссеистов). Воля сконцентрировала это в то целостное понимание, которому он тем не менее не дал труда излиться в большом и «внятном» философском опусе, поскольку понимал невозможность фиксации своего знания иначе как в намекающих блестяшках: поймет лишь тот, кто сам созрел для догадки. Когда *бытийствуют*, то не озобочиваются просветительством или потомками. (Как говаривал Лев Толстой, «подлинные мыслители мыслят для себя, а не для других»). Осознанное умирание превратилось в цунами целостного «философского» переживания. Вероятно, Новалис и был первым подлинным экзистенциалистом нового времени: экзатически-напряженно и в то же время безмятежно переживавшим временное в качестве вечного, *переводившего* временное в вечный план. Подлинный поэт – переводчик.

Четыре года в модусе слиянности чувства жизни и чувства смерти (Новалис *религиозно* слит с покойной, я бы сказал – слит по образу Орфея, навещавшего Эвридику в царстве мертвых). Собственно, только такая любовь и становится формой метафизического познания. Каковы же открытия на этом пути? Он не устает напоминать друзьям, что природа открывает свои тайны только любящему ее. (Современный ученый *вырывает* у природы ее тайны, но только злые, те, которыми она огрызается на него). Бог (источник любви в мироздании) открывается Новалису прежде всего как «нравственная воля». Это, конечно, совершенно поразительное заявление для нашей эпохи отмены нравственных критериев. «Совесьть есть настоящая сущность человеческой природы в самом полном ее просветлении». Нравственное чувство (не смешивать с юркой и подвижной моралью) есть чувство абсолютно творческой способности, истинной божественности. «Каждый человек может своей нравственностью создать для себя день своего Страшного суда». То есть мы сами творим характер и сам сюжет будущего Страшного суда, который на самом деле свершается сейчас.

Но вот главное, к чему естественно приводит «любовный» метод поэта: *причины существования Вселенной надо искать в этической сфере*. Вот он, эпицентр открытия Новалиса! То, что нас могло бы развернуть. Ведь если мы посмотрим на вектор усилий современных художников, поэтов, музыкантов и других менеджеров от культуры, то увидим их глубочайшую убежденность, что причина существования Вселенной исключительно эстетическая. (В крайнем случае интеллектуальная, ибо товарная эстетика и интеллектуализм – оборотни-перевертыши). Это буквально впечатано в лица наших современников, в их поведенческий стиль, равно и в их произведения. Причины существова-

ния Вселенной. Исток, импульс, сам Высший замысел. Эпицентр надежд Того, кто задумывал этот эксперимент. Каковы они? Ответ, художник! Но ответить способен лишь *истинный* поэт, поэт, устремленный к истине (не к красоте и наслаждению, исток которого в конечном счете один – тщеславие), то есть маг.

3

Что такое чувство Бога? Это чувство бытия. Бытие – волшебный мир, так считает Новалис. В нем действены лишь законы магии. Магия (белая, конечно) базируется на самоочищении. Для того, чтобы жить в волшебном мире, каков он есть, большинство людей слишком ныне слабы. Потому-то это большинство – черные маги, сами о том, не ведающие, конечно. Альтернативы нет: либо ты белый маг, то есть служишь бытию, либо черный, то есть служишь жизни. Верность бытию требует подвига самоочищения. Бытие Бога – тавтология. Познавать (процесс, никогда не завершаемый) бытие дано лишь чистым сердцем. (Вот почему в современном нашем бардаке истинное познание невозможно). Нельзя использовать природу. Она не публичный дом. Человек, утверждающий, что Бога нет, утверждает, что нет бытия. И наоборот. Но так оно и есть, когда абсолютизируют жизнь. Есть естественное и сверхъестественное откровения Бога. Хотя для обывателя почти всё закрыто, заперто в сверхъестественном. Которое по ту сторону познания и по ту сторону добра и зла. Следовательно, мы не ответственны, раз мы естественны. Пусть отвечает тот, кто захотел или сумел стать сверхъестественным еще будучи в естестве. Христос, Франциск, Новалис, Симона Вейль...

Ведь и Христос для нас (но прежде всего для своих учеников) – это перманентно *умирающий* Бог, сын Божий в том смысле, в каком он сам определил каждого из учеников в качестве сына Божьего. Но и Новалису понятно, что «все люди произошли от очень древнего царского рода». Если бы они еще об этом помнили! Христос – непрерывно умирающий! Вот в чем суть! Конечно, чисто интеллектуально современная художественная культура признает права христианства на истину, однако по искренности всегда берет это в скобки в качестве устарелого, детского уровня реликта. Да, Христос, логос, ну и славненько, ну и лады: попам попово, но мы-то ведь не маленькие, мы-то ведь не бабье. Но для людей уровня Новалиса и Рильке логос не есть словесность. «В начале был логос, и логос был у Бога, и логос был Бог», – сие речение от Иоанна означает, что в начале было бытие (понимание Слова-Числа как трансцендентально-го сознания-разума нам сегодня уже не доступно), и оно было дано нам Богом словно бы в аренду вместе с пространством/временем нашей души. Именно в этом смысле бытие (равное рационально непостижимому Логосу) божественно. И Христос бытиен именно потому, что пребывает в эпицентре самоуверщвления. Смерть его не принудительна (как уверенно утверждает профанная логика), и перевод этой мистерии в план исторической мелодрамы либо

смешон, либо кощунствен. Бытие даже сына Божьего на земле есть самоумерщвление. Другого варианта бытийствовать у человека попросту нет. Бунтовщик Гёте: «В Начале было Дело!» Именно: бытийный толчок. Забился пульс. Дар бытия, доступного сегодня лишь подлинно мужественным и готовым к самоочищению. «Величайшие слабачки» для Новалиса – те, кто прячутся в культ силы, суперменства (в том числе и эстетического, крайне ныне популярного) и величайшего жизненного аппетита. Это самые слепые из слепцов. Они жуют всю жизнь жизненное мясо, даже не умея дойти до кости.

Бог, будучи сам по себе (сам-в-себе) недоступен ни для восприятия, ни для познания, из милосердия дарит нам вместо себя свою эманацию, свою вибрацию, один из своих ароматов – бытие, дно и основание которого мы именуем царством смерти. В этом возможное мужество выхода человека в Открытость. Иного пути в «познавание Бога» не существует. Новалис «вошел в Царство». Зрелость (столь ранняя по меркам плотского измерения) пришла к нему именно после акта отдания себя бытию, то есть переворота в понимании смерти: вместо страха, и ужаса, и отвращения – раскрытие, самоотдание, новое внимание, новый тип внимания. Там, действительно, опыт несказанности. Так что дело не в «романтизме», который весь для Фридриха заключался в искусстве всматриваться в жизнь как в роман, который ты пишешь сам. И ничуть не более и не менее. В этом смысле романтизм – один из вечных приемов магии. Вне всякого сомнения, Хуан Матус обучал Кастанеду именно этому древнейшему искусству. Взять свою жизнь в авторские руки и посредством нравственной воли проращивать примерно так, как романист пишет роман. Но почему «нравственной»? Хотя бы потому, что при воле вне- или безнравственной произойдет скатывание, а отнюдь не «воспитание духовного воина». Аристократический импульс требует максимального сосредоточения, высшего героизма. Плебей же склонен «баловаться беллетристикой» (в широком смысле слова), наслаждаться своими природными, то есть даровыми «талантами», потакать своему низу, «инстинкту жизни». Это и понятно: требуха живет один-единственный раз – на плоскости.

4

Полюбив, Новалис внезапно получил метод для истинного философствования: первый же поцелуй любимого существа (манифестировавшего вселенную) открыл ему тайну: «Философия начинается с поцелуя», с эротического (сладостного!) растворения в предмете, на который направлена полнота твоего внимания. Подлинное познание осуществляется только так. Истинная наука магична, истинная астрономия этична. В этом ключ. Он признается в письме: «Моя любимейшая наука называется именем моей невесты: София ее имя, – философия – душа моей жизни и ключ к моему сокровеннейшему Я. С момента моего знакомства с Софией я и с философией слился совершен-

но». Фило-софия – любовь к мудрости, следовательно девушка и есть предмет этой любви: сколь удивительно пророческое знакомство дала ему судьба! Познание божества, таящегося в облике прекрасной девы, – вот что такое философия. И вот почему такие слова в письме уже после смерти Софии: «Разве же не долг мой – переносить всё это кротко, ибо я люблю и люблю больше чем маленькую фигурку в пространстве, и любовь моя длится дольше, чем вибрация жизненной струны. Спиноза и Цинцендорф постигли ее – бесконечную идею любви, предчувствуя метод как самореализацию ради нее, равно и реализацию ее ради самого себя...»

И вот почему смерть невесты поэт почти кощунственным образом принимает не просто кротко, но как еще одну, на этот раз величайшую милость судьбы. София умерла 19 марта, а в апреле Новалис пишет Фридриху Шлегелю: «Мне уже теперь совсем ясно, какой чудесный случай ее смерть, – ключ ко всему, – удивительно судьбинный, судьбоносный шаг (*ein schicklicher Schritt*). Только таким путем многое могло найти чистое решение, только так многое, что было незрело, могло созреть. Я сознал в себе простую, могучую силу. Моя любовь стала пламенем, постепенно пожирающим все земное».

София Кюн – внутренняя невеста Новалиса, женственная часть его самого, но поэт идет дальше в самоисследовании и постигает ее как «женскую тайну природы, живую сокровенную Изиду». Если что-то понимается подлинно, то понимается универсально, в каждом жизненном атоме. И дело не в том, исключительна или вполне заурядна Софи как плоть и психэ. Плоть – символическая, в том смысле что манифестирует высший план. Плоть реальна и нереальна одновременно. «Касаясь человеческого тела, мы прикасаемся к небу». Для теурга и мага это основания опыта. Небо начинается здесь-и-сейчас.

Когда мы погружены в *есть* («живу здесь-и-сейчас!») внешнего образца, мы лишь прячемся от тленности, правдами и неправдами бежим от нее. Но существует *ествование* другого уровня, оно не бежит от тления и тленности, но принимает и по мере сил постигает их. Есть дао, которому подвластен и Иисус, и Будда, и сам Лао-цзы. Когда само *бытие* заглянуло в глаза Новалису, тогда с ним и случился переворот, крайне поверхностно истолкованный окружающими как служение деве Софи Кюн.

Кстати, бюргерской верности Софи Кюн у Новалиса как раз и не было: проходит всего лишь год, а он уже влюблен в двадцатидвухлетнюю Юлию фон Шарпантье и делает ей предложение. Казалось бы, какой конфуз, но Новалис ничуть не смущен и ничуть не прячет от друзей новую подругу, равно как его визиты на могилу Софии не становятся менее частыми. Как вписываются новые matrimониальные планы Новалиса в его проект самоумерщвления? Вписываются в той же мере, в какой ухаживания за Юлией сочетаются с бережным ухаживанием за могилой Софии, с сочинением Гимнов к Ночи, восславляющих таинство смерти. Маг не живет интеллектуальными планами. Бытие в самоумерщвлении (со-

участие в божественном акте, по Вейль) не отклоняет саму мистерию восторга, ибо мы одновременно во Входе и в Выходе. Тело любимой трансцендентно. Маг постигает в Юлии Софию. Вот почему эта душа постигаема и в занятиях минералогией. София присутственна в отсутствии, ибо потустороннее осуществлялось поэтом уже *здесь*. София становится этой «аббревиатурой» бытийного универсума, «посланницей Бога», так что смерть ее плоти ее *саму* не аннигилирует, ибо из бытия она не уходит.

Да, мы все с рождения начинаем потихоньку умирать. Жизнь – пустой бесконтрольный экстаз цветения, экстаз отталкивания смерти? Нет. «Жизнь – начало смерти. Жизнь существует в обоснование смерти. Смерть – это конец и одновременно начало, расставание и одновременно теснейшее самовоссоединение». Вот почему это искусство, поистине бесстрашное, называется философствованием. И следующий шаг здесь: *Selbsttötung* – самоубиение, почти хулиганская формула, подчеркивающая активность соучастия в реальном. (Сколь близок был Киркегор к подобной постановке вопроса!) Но именно опыты трансцензуса и составляют дело всякого истинного поэта (не литератора, не того, кто «думает и пишет для других»; ведь монах укрывается в пещере или келье вовсе не для «обнародования» своего уникального опыта и уникальных открытий). Смерть Софии лишь подтолкнула Новалиса к «трансцендентальному поведению».

5

«Сущность моей философии заключается в том, что поэзия есть абсолютная реальность, что всё тем более истинно, чем более поэтично». И здесь же рядом: «Гений насквозь поэтичен. Что бы гений (гений в любой сфере. – Н.Б.) ни делал, он делает это поэтически. Человек по-настоящему нравственный – поэт». Или: «Есть поражающее сходство между подлинной песнью и благородным поступком...» Или: «Совесть – непосредственно действенное божество, дивный отсвет высшего мира; тем же самым является истинная поэзия». То есть истинная поэзия есть художественное воплощение (а точнее сказать – отблеск, символ, знак) совести – некоего тайного эпицентра и в нас, и в мироздании.

А вот и уточнение: «Философствование – основа всех других наших открытий. Решение философствовать есть не что иное, как требование к своему реальному Я, чтобы оно опомнилось, проснулось и стало духом. Без философии не может быть подлинно нравственного поведения, равно как без нравственного поведения – философии». Мы входим в парадоксальное измерение. Этика, поэзия, философия и эротика здесь таинственным образом сливаются, образуя для антропоморфного существа сакральный центр, золотую ось, невидимое свечение, вероятно, как раз и хранящее сам мировой эталон. Центр универсума, по Новалису, в высшей степени поэтичен, а сущность су-

щего и, соответственно, субстрат поэтичности – этика, мировой закон (дхарма, укрытая в дао, – сказали бы мы сегодня). Вот почему, кстати, зло не онтологично, равно и демонизм, и люциферианство, сотворившие себе лежбище в интеллектуализме и «научности». Фрагмент диалога из романа «Гайнрих фон Офтердинген». «Когда же, наконец, – спросил Гайнрих, – прекратится необходимость боли, скорби и всякого зла на земле?» Целитель-маг старец Сильвестр отвечает: «Когда утвердится *единая* сила – сила совести, когда природа (и природа человека в том числе. – Н.Б.) сделается целомудренной и нравственной. Причина зла только одна – общая слабость. Слабость же эта не что иное, как недостаточная нравственная восприимчивость и недостаточное влечение к свободе». (Свобода понимается в романе как любовь – ровное ее, не требующее ответной «платы» пламя). «Объясните мне сущность совести», – просит Гайнрих. «Если бы я мог объяснить ее, я был бы Богом, ибо постижение совести есть вместе с тем и ее возникновение».

Однако в других текстах Новалис, конечно же, пытается постичь направление происхождения совести. В каждом из нас, как представителе исконного полубожественного рода, есть в лучшем смысле реликтовая, высшая способность, которую можно назвать интуицией, предзнанием, инстинктом, гением и т.д. «Человеку кажется, что он с кем-то разговаривает и что какое-то неизвестное духовное существо вызывает его на развитие самых ясных идей. Надо полагать, что это существо принадлежит к разряду высших существ, потому что оно вступает с ним в сношения таким способом, который не возможен ни для какого существа, зависящего от явлений внешнего мира. Надо полагать, что это – однородное с ним существо, потому что оно относится к нему как к духовному существу и вызывает его на самую странную самодеятельность. Это «Я» высшего разряда относится к человеку так же, как человек относится к природе или как мудрец относится к ребенку. Человек хочет сравняться с ним». <...>

Истинный поэт в понимании Новалиса – это святой, не ведающий о своей святости и извне не видимый таковым. Но ведь и мастер дзэн узнаваем лишь мастером дзэна.

б

Когда мы пытаемся двинуться дальше в направлении этой тайны *нравственного эпицентра универсума*, то слова останавливаются. Сказывание становится невозможным по причине нашей неготовности мыслить вселенную как реальную душевную субстанцию. Онтологизм дхармы представляется нам, увы, чем-то умозрительным, ибо плоть наша не унежена и не одухотворена. Мы словно заперты в громадной эстетической колбе, изобретая все новые и новые игрушки на продажу, отрезанные от реальности еще и стеной эстетической иронии.

«В тот момент, когда мы вполне нравственны, мы будем в состоянии творить чудеса. Чудо есть добродетельное деяние, есть акт свободной решимости». Об

этом феномене (вере хотя бы с горчичное зерно) говорит и Евангелие. Новалис лишь опробует этот древнейший рецепт, пытается реализовать его в разнообразной своей практике. Результаты пока не очень яркие, но он знает, что они могут быть невероятными при необходимой степени нравственной силы и чистоты. Это для него путь свободы. Магия (господство духа над телесным миром, любовь как один из инструментов магии) для него – не самоцель, но путь прорыва. «Мы должны стараться сделаться магами для того, чтобы стать вполне нравственными; чем нравственнее человек, тем более он гармонирует с Богом, тем он божественнее». И далее: «нравственный бог много выше бога магического». Все это почти бесценно именно потому, что говорится поэтом, а не теологом, священником или святым отцом-монахом. Ведь поэт – это наш ближайший, он – сама почвенность, непосредственность, сама незащищенность, сама детскость, еще словно бы не выпущенная вполне из божьих рук. Поэт есть наше источниковедение. Он свидетельствует «по простоте душевной», он не держит и не может держать фиги в кармане, у него нет двойной бухгалтерии, он так же близок к нам, как простой пахарь, еще когда тот ходил за плугом и вручную очищал лемех. Его интуиции и слова первоначальны, не взяты из книг и поучений «святых отцов».

7

«Мир должен быть *романтизирован*, – фиксирует Новалис. – Только так можно помочь ему обрести изначальный смысл. Романтизирование есть не что иное, как качественное потенцирование (возведение в степень за счет извлечения всего качества потенциалов. – Н.Б.) «наличного». Но мир, вселенная по Новалису – внутри нас. Потому-то *романтизирована* должна быть прежде всего твоя собственная жизнь и судьба, то есть найдена вся качественность потенциалов твоей судьбы и жизни, а затем возведена в степень, дабы быть узренной четко. Для того, чтобы увидеть зримо и необманно потенциалы своей судьбы и жизни, уже во многом прожитой, требуется внимательнейший и экзистенциальнейший ее перепросмотр. Это и есть главная колоссальная работа, приступая к которой человек уже становится на путь (белой) магии.

Романтик высматривает в себе того отпрыска древнейшего царского рода, который жил в Золотом веке. Он реанимирует его в себе, оживляет, восстанавливает его мирозерцание, его способ чувствования и действия. И, собственно, восстановив его, то есть добившись «качественного потенцирования», он наконец понимает, как он должен действовать *по истине* в той или иной ситуации нового времени, времени, когда началось вступление в Мировую ночь. (Сегодня нас охватившую). И тогда мы начинаем по-настоящему понимать внутреннюю естественность внешне странного поведения Гарденберга в последние его четыре года. Его *Selbsttötung* – действие *романтическое* в только что истолкованном нами смысле. Равно как и само фило-

софствование становится для него процессом осознанного возвращения к глубинному Дому. «Влечение к чужбине истощается в нас, и нам хочется домой, к Отцу...» Всё внешнее, чужбинное, пытающееся пленять новизной, всё, представляющее внешне-чужбинным, должно быть претворено во внутреннее. «Внутрь ведет таинственный путь! И он всегда ведет домой».

Идея *сталкера* (проводника в сакральное) принадлежит йенцам. Ее суть – в отречении, Новалис называл это *Entsagen*, то есть нечто вполне симметричное *Selbsttötung*. В реальной судьбе Новалиса это действие *Entsagen* было претворено эзотерически: внутренним, потаенным самоожжением. Ведь даже жертва и самоотречение (*Selbsttötung*) Христа едва ли могли (и могут) быть увидены профанным зрением.

И мне снова вспоминается рассказ Льва Толстого «Хозяин и работник», его финал, где в сценах замерзания купца Василия Андреевича дана картина трансформационного переворота в сознании матерого материалиста, внезапно постигшего, что единственная возможность не умереть абсолютно и окончательно, а слиться со своей бессмертной душой – это отказаться добровольно (пока еще есть возможность) от своей утекающей жизни, согревая и спасая ближнего. «Он понимает, что это смерть, и несколько не огорчается и этим. <...> «Жив Никита, значит жив и я», – с торжеством говорит он себе». А до этого, напомню, он пережил «торжественное умиление», поняв, что он не купец и богач, а *Душа*, и единственное, что она может – любить, и это единственный «пропуск в вечность». Здесь, в сущности, тот же, что и у Новалиса «опорный, толчковый» испуг: успеть отречься от жизни ради бытия, ибо, оказавшись в бытии, я – в Боге, то есть спасен.

8

Разумеется, Новалис не подсыпал себе в пищу ядов и не устраивал каких-либо иных телесных или заговорных провокаций своему организму. Настройки его были гораздо тоньше, ибо был он целостным и цельным существом, не точечным внутренними конфликтами. Он устремлялся постигать *бытийный* процесс в себе, для чего держать руку на пульсе смерти было абсолютно необходимо. И разве же Новалис изобрел в этом смысле что-то новое? Разве еще Платон не говорил, что «философствовать – значит упражняться в смерти»? Разница, конечно, есть: Платон умирал-в-духе, Новалис же максимально приблизил это умирание-в-духе к себе телесному. <...>

Сыростан, 2016

Примечание:

Николай Болдырев-Северский – философ, поэт, переводчик. Автор двадцати пяти прозаических, поэтических, эссеистических книг, а также книг исследований. Постоянный автор «Плавучего моста». Живет на Урале.